

ТВОРЧЕСТВО А. В. ВЕРЕЩАГИНА В КОНТЕКСТЕ ВОЕННОЙ МЕМУАРИСТИКИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX–НАЧАЛА XX ВЕКА

*Работа представлена кафедрой литературы Череповецкого государственного университета.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. В. Чернов*

Статья посвящена анализу материалов, связанных с историей становления мемуаристики, ее типологией. В статье предлагается набор универсальных признаков мемуаристики, свойственных в той или иной мере каждому из частных мемуарных жанров. Особое внимание уделяется анализу жанровых особенностей мемуарного творчества А. Верещагина, а также жанру мемуарных записок как наименее изученному на сегодняшний день.

The article is devoted to the analysis of the data connected with the history of formation and typology of the memoirs genre. The set of the universal indications which are typical of every particular memoirs genre to some extent is proposed. The attention is focused on the genre peculiarities of A. V. Vereshagin's memoirs works and also the genre of memoirs notes as insufficiently explored one at present.

Мемуаристика – жанр с очень давней историей. В истории отечественной словесности оформление мемуарной литературы в относительно самостоятельный, хотя и весьма нечеткий, с расплывчатыми границами, жанр приходится на XVII в. Мемуарная проза традиционно считается одним из наиболее сложных для теоретической рефлексии «видов письма». Эта теоретическая рефлексия в отношении мемуарных текстов на протяжении XIX–XX вв. прошла несколько этапов, каждый из которых в значительной степени оставлял открытым вопрос о качестве своеобразия и степени «самостоятельности» мемуаристики в контексте современного ей литературного процесса.

Нахождение на границе искусства и жизни, факта и события (в их оппозиционном, по Х. Уайту, понимании) делало проблему идентификации мемуаров и как явления литературы, и как социокультурного феномена вообще актуальной в каждый момент смены социально-культурной, ценностной парадигмы. Поэтому «ускользание» от жанровых определений – родовой признак мемуаристики и равно связан как с природой составляющих ее текстов, так и с проблемами эстетической перцепции

эпохи¹. Тем не менее очевидно, что именно в XIX в. в российской словесности складывается обширный корпус и относительно целостный новый канон мемуаристики.

На протяжении второй половины XIX в. было несколько отчетливых «мемуарных волн», связанных в основном с переломными событиями в жизни страны и отчетливой сменой социально-культурной парадигмы.

Показательно, что обстоятельное и принципиальное деление мемуаров дается в энциклопедии Ф. Брокгауза и И. Ефрона: 1) на мирные, 2) военные, 3) дворцовые, 4) бытовые, 5) писательские.

Писательские мемуары противопоставлены остальным в том, что не выделена их внутренняя дихотомия и они обозначены как особый вид, не связанный с условиями написания и даже предметом воспоминаний. В этом можно увидеть уже наметившуюся тенденцию к выделению писательских мемуаров в самостоятельный и оригинальный поджанр мемуаристики.

В идеальном варианте мемуары должны быть достоверны. Однако достоверность в мемуарной прозе не тождественна фактографичности, она не означает буквальное восстановление прошлого, всех

событий, обстоятельств, диалогов. Да это и невозможно, если сразу какой-то факт не был зафиксирован. И даже зафиксированный факт в процессе его изложения становится все же событием в мире автора и как таковой преподносится читателю.

Следовательно, достоверность в мемуарной прозе – это максимально непротиворечивая передача центрального, основного смысла события, его внутренних побудительных мотивов. Она предполагает обобщение, допускает избирательный подход к событиям и фактам. Необходимая степень собственно фактической достоверности, в том числе и документированности повествования, неодинакова для различных типов мемуарных произведений. Сам феномен памяти в аспекте ее художественной репрезентации нельзя считать на сегодня достаточно изученным. Именно поэтому, по мнению А. В. Чернова, «проблема памяти и разнообразных способов ее репрезентации в виде мнемонических компонентов художественного текста в последнее время привлекает все большее внимание отечественных исследователей»².

Общие особенности мемуарной прозы характерны и для такой ее жанровой разновидности, как военная мемуаристика. Своеобразие военной мемуаристики в определенной мере дополняет наше представление о мемуарах, тем не менее с точки зрения мнемонических компонентов поэтики военные мемуары остаются слабоизученной сферой.

Интереснейший пример именно такой мемуарной прозы дает творчество А. В. Верещагина (1850–1909) – брата выдающегося художника В. Верещагина, профессионального военного, талантливого беллетриста, чьи военные рассказы были высоко оценены Л. Толстым, автор десяти отдельных книг и десятков разножанровых публикаций в современной периодике³. Многообразность творческой деятельности Верещагина привела к тому, что он обращался к самым различным разновидностям мемуарных текстов и его творчество –

это своеобразная энциклопедия поджанров военных мемуаров эпохи. Творчество Александра Васильевича в своей совокупности позволяет дать наиболее полную классификацию разновидностей военных мемуаров. Не претендуя на исчерпанность, среди них можно выделить мемуары-свидетельства, автобиографические мемуары, мемуарные очерки, мемуарные рассказы, мемуарные записки... Деление, естественно, достаточно условное и призвано не столько установить четкие границы между подвидами, сколько помочь осмыслить специфику отдельных текстов с точки зрения их жанрового характера, попытаться указать на некую, по выражению М. М. Бахтина, «память жанра», диктующую свои требования к отбору и компоновке материала, общей тональности повествования.

В общем потоке военных мемуаров тексты Верещагина выделяет установка мемуариста на разработку определенной проблемы. Он не только описывает конкретные события, хотя элемент описательности, констатации доминирует, он суммирует их, производит анализ, говорит о личном участии и своем отношении к происходящему. Вторым их отличием является описание реальной деятельности автора в качестве руководителя, командира, «официального действующего лица» кампании. Отсюда обязательным моментом становится аргументация повествования документальными материалами.

В ряде текстов Верещагина, таких как «Новые рассказы», «У болгар и за границей», хроникальное начало главенствует над автобиографическим. Автор повествует не столько о себе и своих переживаниях, сколько о событиях и людях, его окружающих. В этих текстах доминирует свидетельство: свидетельствует автор-участник событий, свидетельствует документ, есть обязательное указание на источник информации, если она получена косвенно.

В силу отмеченных особенностей такого рода тексты, с нашей точки зрения, наиболее органично и целостно представленные

как раз в прозе А. Верещагина, вполне можно назвать *мемуарами-свидетельствами*.

В мемуарах-свидетельствах автор получает большую свободу творчества, нежели хроникер.

Мемуары-свидетельства в отечественной традиции близки к другой форме военных воспоминаний. Среди мемуаров русских офицеров (Д. Скобелев, А. Драгомиров) наиболее популярной формой изложения воспоминаний является та, где автор не претендует, как правило, на обобщение, а ограничивается позицией хотя и очень информированного, но все же непосредственного участника события. Подобные произведения можно условно назвать *мемуарами-автобиографиями*, хотя наличие в целом ряде свидетельств значительной мемуарной доминанты делает их в чем-то схожими с мемуарами-свидетельствами. Мемуарам-автобиографиям свойственны большая, по сравнению с другими мемуарными формами – за исключением очерка, – непосредственность, доступность, свобода, простота; в качественном отношении их отличает хронологически последовательное изложение событий, разнообразие освещаемых проблем, так или иначе связанных с судьбой автора. К такого рода мемуарам-свидетельствам можно отнести следующие тексты А. Верещагина: «Дома и на войне», третья часть книги «У болгар и за границей», вторая часть книги «Новые рассказы».

Следующим важным жанром военной мемуаристики, широко представленным и в творчестве А. Верещагина, является *мемуарный очерк*. Именно этот жанр можно назвать излюбленным жанром Верещагина-мемуариста, очерки составляли целые книги, выходявшие впоследствии отдельными изданиями («Новые рассказы»).

Среди мемуарных очерков военных можно обозначить две основных их разновидности. Это документальный очерк, тяготеющий к фотографичности, точному копированию действительности, и беллетризованный, который по манере изложения приближается к рассказу.

А. Верещагин очевидно отдает предпочтение именно беллетризованному мемуарному очерку. Автору важно передать не только событие, но и собственное ощущение этого события, пусть и лапидарно, но отчетливо: «Жили мы, помню, на этом шоссе превесело. У меня остались о здешнем пребывании самые лучшие воспоминания ...»

Следующей разновидностью мемуара в творчестве Верещагина являются *мемуарные записки*.

Мемуарные записки от собственно мемуаров отличаются тем, что в их создании наряду с участником события принимает участие автор записи, который в определенной степени, вольно или невольно, дает свою интерпретацию фактам. Мемуарные записки характеризуется всегда «двойной субъективностью»: участника и автора записи.

Ярким примером мемуарных записок является книга А. В. Верещагина «На войне. Рассказы очевидцев 1900–1901». Несмотря на подзаголовок, это именно сборник мемуарных записок разных авторов, свидетелей тех или иных событий: подесаул Сеченов, подполковник Богданов, поручик Гиршфельд и многие другие участники событий. Это своеобразные, литературно обработанные записи устных воспоминаний, сделанные в разное время и при разных обстоятельствах. Верещагин демонстрирует один из самых удачных текстов такого рода в области военной мемуаристики, сохраняющий и максимальную точность свидетельства очевидца, и литературную обработку стиля, и неискаженный аромат события, переданного не только профессиональным литератором, но и профессиональным военным, способным понимать нюансы происходящего и видеть в них важные черты ускользающего прошлого.

Таким образом, творчество А. В. Верещагина представляется чрезвычайно интересным источником изучения всей жанровой гаммы военной мемуаристики эпохи, сферы литературной деятельности, системное исследование которой еще только предстоит историкам литературы и культуры XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О специфике соотношения «события» и «факта» в историческом дискурсе эпохи в связи с темой данной статьи см.: *Чернов А. В.* «Наполеон I в России» В. Верещагина: составляющие исторического дискурса // «Недаром помнит вся Россия...»: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 160-летию В. Верещагина. Череповец, 2003. С. 39–45; Он же. Эстетический гнозис или метафизический вакуум модели познания мира В. В. Верещагина в философско-эстетическом контексте рубежа веков // Россия рубежа веков: Культурное наследие Верещагиных: материалы Всероссийской конференции. Череповец, 2005. С. 3–7.

² Проблемам памяти в аспекте репрезентации мнемонических компонентов в художественном тексте посвящен целый ряд новейших работ, в частности: *Томпсон Д. Э.* «Братья Карамазовы» и поэтика памяти. СПб.: Академический проект, 2000 (первое издание книги в Кембридже – 1991); *Евдокимова О. В.* Мнемонические элементы поэтики Н. С. Лескова. СПб., 2001; *Нуркова В. В.* Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти. М.: Изд-во УРАО, 2000 и др.

³ *Иванова Л. Н.* Верещагин А. В. // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 426–427.